

**поэзия
открытия**

МАРИЯ ЗАТОНСКАЯ

**ДОМ
С ПТИЦАМИ**

**МОСКВА
2020**

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
3-37

Иллюстрация на обложке,
знаки серии, подсерии *Елены Девятковой*

Фотография на обложке работы *Виталия Скворцова*

Оформление серии *Анастасии Ивановой*

Затонская, Мария Романовна.

3-37 Дом с птицами / Мария Затонская. — Москва :
Эксмо, 2020. — 128 с.

ISBN 978-5-04-110235-7

Мария Затонская — поэт с редким даром видеть и чувствовать всё, что происходит вокруг, и передавать читателю не что иное, как живое слово и подлинные образы.

«Если определять Затонскую через какое-нибудь одно слово, это будет «Восхищение». Именно так: всегда с большой буквы». (*О. Демидов*)

«Тютчевское «Всё во мне, и я во всём» в этой книге продолжается тезисом «всё во всём». Чайник становится частью семейства, больница срастается со своими «постояльцами». Живое и неживое проникают друг в друга. Да и все мы — связаны. Если прислушаться, можно различить плач мужчины, уткнувшегося в телефон на соседнем сиденье автобуса. Женщина молча смотрит в окно и — кричит. Но так тихо, что никто не слышит.

Что в нас? Нам больно? Или это птицы в нас кружат: чёрная, белая, снова чёрная и белая ещё. Мельтешат, путаются, деталей не разберёшь. Я хочу остановиться и взглядеться. Я приближаюсь и смотрю пристально. Вот они — пёрышко к пёрышку: Жизнь, Смерть, Любовь».

Мария Затонская

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Затонская М., 2020
© Демидов О., предисловие, 2020
© Скворцов В., фотография, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110235-7

*Посвящаю книгу своему дедушке
Затонскому Владимиру Максимовичу*

ОБЯЗАТЕЛЬНО СЛУЧИТСЯ ЧУДО

Затонская как-то играючи, легко, по-девичьи впорхнула в русскую литературу. Один семинар для молодых писателей, другой, третий, поэтические вечера, фестивали, премии — и везде успех. И что самое важное — заслуженный успех.

Накопленный опыт авангарда и неподцензурной литературы, Серебряного века и шестидесятников, наконец, традиционной культуры и современной — совсем не обременяет Затонскую.

Потому что для неё это не бремя. Посмотришь на иных коллег, так те, взяв на вооружение какой-нибудь приём, размер, жанр, просодию и т. п., бредут с ними — согбенные, уже одряхлевшие, но всё равно бодрящиеся вхождением в вечность.

Затонская же — крылышкует.

На «Комсомольской» бородатый мужик
с чёрной виолончелью
думает о Ростроповиче и Шопене.
Тени скользят, смычок
пилит деревянную грушу.

Типичная московская картина (о которой кто только не писал!) благодаря отстранению и особой оптике превращается (именно превращается!) в стихотворение.

Если определять Затонскую через какое-нибудь одно слово, это будет «Восхищение». Именно так: всегда с большой буквы. Это и принцип, на котором базируется её поэтика, и двигатель её жизни, и главная настройка её внутреннего мира.

Стихотворец, который не видит вокруг себя чуда и не ведает восхищения, — самый настоящий акын. Ему подвластна пара лирических струн и простенький там-там сердца.

Поэт же мультиинструменталист. Что ни дай ему — корягу, солнце, ливень, дребезжащий трамвай — он всё приспособит и сделает из этого божественную музыку.

Я тебя люблю, моя маленькая жизнь.

Синева, синева, синева льётся,
птичьи гнёзда — хрустящие деревянные солнца,
в солнцах птенцы:
дзинь-дзинь.

Оттого что Затонская чувствует, вос-при-ни-ма-ет и отражает, как солнечный свет, благодать, её стихи наполняются витальной силой. О чём бы ни писалось, всё будет исполнено жизни.

Механистичность, эклектика, философия — оставьте это другим.

Это не значит, что мы имеем дело с чем-то несерьёзным, сиюминутным, что забудется, стоит только закрыть книгу, — нет. Наоборот — всё очень серьёзно.

Только форма подачи как будто простая: с уменьшительно-ласкательными суффиксами, может быть, с небольшим заигрыванием с массовым читателем-подростком и даже некоторой инфантильностью. Но когда понимаешь, как и для чего всё это сделано, все вопросы отпадают сразу.

А сделано всё это на игривой и неподдельной женственности.

В наше время, когда русский феминизм, бессмысленный и беспощадный, пытается навязать нам свою повестку дня, настоящая женственность выступает на первый план. Перед нею мы безоружны.

У французов есть хорошая поговорка: если женщина не права, подойди и извинись. Эту сентенцию можно чуть-чуть подкорректировать и подогнать под наши реалии: если женщина пишет стихи и при этом великолепные стихи, немедленно садись их читать.

В местной кардиологии в холле пахнет старостью, хлоркой, йодом.

Постояльцы смотрят новости на Первом — спасатели ищут девочку: девочка где-то в лесу.

— Потише, пожалуйста, — шикают на посетителей, —

Тут вообще-то важное показывают.

И последнее, о чём необходимо сказать.

Поэтический сборник — дело тонкое. Надо уметь его прочесть.

Как обычно бывает? Сядешь в автобус ли, в электричку — и наобум прочитаешь с самого начала, с середины, с конца, ещё полистаешь. Выйдешь на остановке, придёшь на работу, в обеденный перерыв ещё раз откроешь книгу. Это неправильно.

Это даже кощунственно.

Поэтический сборник следует читать разом, залпом, целиком, от корки до корки. И тогда с вами обязательно что-то случится.

Что-то приятное и неожиданное.

Что-то, похожее на чудо.

Олег Демидов

ОДНАЖДЫ

Однажды меня коснулось искусство –
бабушка солировала в Доме культуры.
Светились-звенели стеклянные люстры, —
ангелочки с гипсовой шевелюрой
с колонн свисали,
бабушка пела «Аве Мария», и это «Аве»
стекало водой в голубое моё.

Маленькая девочка
расправляла ладони и плавала:
«Мама, я здесь!
Чуть-чуть ещё и — домой».
Она ныряла-выныривала из синевы.
Воды всё больше, — насколько хватает глаз.
— Плыви, Мария, — бабушка пела, — плыви.
И я тогда захлебнулась!
И — началась.

По камушкам пройденного пути
сможет меня найти,
я та — что сейчас просыпается в материнской воде,
там, в девяносто первом, будто в Нигде.
Я ей отсюда машу:
— Смотри —
вдоль неясной дороги ещё не горят фонари,
Бог смотрит в меня и в тебя изнутри
черноты.
— Из воды? —
говорит.
— Из воды, — говорю. Тогда
она переворачивается — раз.
Она отталкивается — два.
Три — по рукам акушерки течёт вода,
Она
выходит,
чтобы
искать меня.

*
*
*

Что во мне моего и есть ли моё вообще. Мама
учила выбирать одежду из натуральных тканей,
папа — прощать людей
за то, что они болваны.

Дедушка твердил про добро и духовную силу,
бабушка в ванной мне руки мыла,
о том о сём бубнил из комнаты «Электрон».

У меня три поросёнка,
подвиги Айболита,
пропущенные через какое-то личное сито,
сменившие очертания и размер —
и это
только моё теперь.

*
*
*

День, когда я родилась.
День, когда измеряют мой рост,
моё соответствие возрасту –
в общем, расту.
Как хорошо: ещё вся жизнь впереди,
потом — полжизни, потом,
говорят, — «пожинай плоды» — сиди,
сторожи дом.

Потому должны быть указаны верно
знак качества, срок годности, и, возможно —
дата выпуска, так:
второе-седьмой-девяносто первый.